

- 3 ИЮЛ 1986

Советская Литва

г. Вильнюс

Классика и ее воплощение

Гастроли Ленинградского академического Большого драматического театра

На гастролях в Вильнюсе Ленинградский академический Большой драматический театр показал четыре спектакля, поставленных по произведениям русской классики: «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского, «История лошади» Л. Толстого (по повести «Холстомер»), «Смерть Тарелкина» А. Коллеера по мотивам комедии А. Сухово-Кобылина и «Дядя Ваня» А. Чехова. Все эти спектакли, очень разные по жанру, стилю, способу актерского самовыражения, поставил народный артист СССР Георгий Товстоногов. В этих заметках хотелось бы поразмышлять о том, что все же объединяет эти столь разные постановки, как работает над классикой театр, и еще раз вспомнить вместе с читателями четыре театральных вечера.

Вечер первый: «История лошади». Так назвал свою инсценировку повести Льва Толстого «Холстомер» М. Розовский.

Во имя главного — правды и глубокого постижения на сцене жизни во всей ее мудрой простоте и многообразной сложности — объединяет Г. Товстоногова, казалось бы, несоединимое: приемы эпического театра Брехта и систему Станиславского, условность и достоверность.

В центре спектакля — замечательный актер Евгений Лебедев, проживающий на наших глазах горькую судьбу легкой лошади, в которой так много общего с судьбами людскими. Актер огромного темперамента, он от начала до конца спектакля ведет свою роль на высокой шямшей ноте, достигая вершин подлинного трагизма.

Оформление Э. Кочергина лаконично и выразительно. Несколько ярких, многозначительных деталей — и огромное пространство сцены, раскинутое ввысь и вширь, предоставлено актерам, которые сыграют на нем и жизнь огромного табуна, и чопорных посетителей бегов.

Вечер второй: «Смерть Тарелкина». Сатира — жанр сложный и не многим доступный — занимает в творчестве Г. Товстоногова особое место. Он в совершенстве владеет искусством срывания масок, иронией и точным анализом, обладает высочайшей театральной культурой и необходимой при постановке сатирических произведений жизненноутверждающей гражданской злостью, непримиримостью к социальным порокам, бюрократизму, лжи, гражданской пассивности...

Спектакль поставлен в ред-

ком на нашей сцене жанр оперы-фарса (композитор А. Колкар, либретто В. Вербина).

История Кандида Тарелкина, разыгрываемая для нас замечательными актерами БДТ, обретает трагический и глубокий смысл. Блестящий комедиограф Сухово-Кобылин всегда оставался еще и мудрым философом. Создатели же спектакля верны духу автора и радуют зрителя изящной, виртуозной театральной игрой.

Кандид Тарелкин в блестящем исполнении В. Изченко — не просто лхой плут и мошенник, задумавший улизнуть от долгов и нищеты. Кандид — фигура покрутнее и пострашнее. Актер дает нам проследить ряд стремительных и страшных превращений личности — от униженного маленького человека, доущего смерти, до хищного и жестокого дельца.

Социально точны и образы, созданные М. Волковым (Варавин), Н. Трофимовым (Расплюев), В. Ковель (Брандхлыстова), Г. Богачевым (Просвещенная личность), и другие. Мир людей с выхолащиваемыми душами, людей, способных «превратиться» в кого угодно, смотря по обстоятельствам и по желанию вышше, показан в спектакле с беспощадной точностью. Это мир зеленых сукон столов (художники Э. Кочергин, О. Земцова), в которых хранятся миллиарды бумаг, способных пустить человека по миру, и зеленых сукон мундиров, под которыми сердца если еще и бьются, то только в предакушении взятки, доходного места или неприятностей у соседа. И над всем этим зеленым царством — портрет его создателя и охранителя, батюшки-государя. Путь этого спектакля — от частной истории, водевильной по сути, к широкому, исторически точному обобщению — к осмеянию и обвине-нию мира произвола, лжи и бюрократии, доведенной до абсурда, мира, в котором нет места честному человеку.

Вечер третий: «На всякого мудреца довольно простоты». Спектакль развивается стремительно, набирая от сцены к сцене силу обобщения и энергично обличения, развенчания, осмеяния человеческих пороков, рсящихся в тогу добродетели. И здесь Г. Товстоногов снова добивается цельности, объединяя разные стилиевые начала. Блестящие характеры создают актеры В. Изченко (Глумов), О. Волкова (мать Глумова), О. Басилашвили (Мамаев), С. Крючкова (Мамзеева), Е. Лебедев (Крутицкий), В. Стрельчик (Городулин),

В. Ковель (Мамафа) и другие.

В спектакле ленинградцев мы увидели не музейного классика, а живого мудреца, современного Островского, чьи наблюдения и сегодня поражают точностью и остротой, масштабностью охвата жизненного материала. В этом спектакле много гражданской страсти, неприятия того, что мешает человечеству жить и развиваться. Тупость, догматизм, пустозвонство, увлечение потусторонним, доходящее до глупости, высмеиваются в спектакле талантливо и зло. В актерской палитре — и гротеск, доходящий до эксцентрики, и тончайшие психологические нюансы, и ирония, и сарказм. Притягательная сила этой постановки — в новизне и свежести видения. Сложным, стремительным ритмом спектакля «управляет» музыка талантливого композитора И. Шварца, в которой сочетаются и ирония, и грусть, и улыбка.

Вечер четвертый: «Дядя Ваня». Спектакль этот подчеркнут строг и небросок, подчеркнут негромко. Но он с властной силой втягивает зрителя в свой мир, заставляя его увидеть и понять, самому ощутить боль и отчаяние чеховских героев, пережить драматизм их судеб.

Художник Э. Кочергин создал образ просторного дома Войничских, в котором не находят себе места его обитатели. В этом доме, как в склепе, останутся «жить долгую череду дней» Войничский и Соня, останутся жить, лишенные последней надежды, осознавшие с горькой ясностью всю нелепость и бесцельность своего существования.

Этот мужественный, лишенный всяческой сентиментальности и поверхностности спектакль максимально приближает нас к Человеку, увиденному и воплощенному Чеховым во всей духовной сложности и противоречивости.

Следует отметить прекрасные актерские работы — О. Басилашвили (Войничский), Е. Лебедева (Серебряков), К. Лаврова (Астрова) — талантливые, глубокие, правдивые.

Сквозная тема спектакля — тема властного, неумолимого времени. Герои спектакля со временем не в ладах, все для них происходит либо «слишком поздно», либо трагически не вовремя — и любовь, и прозрение. Спектакль верен Чехову, историчен, глубокий. В нем есть то, что и делает классику вечно современной, необходимой, — непреходящая правда о человеке.

М. БАБЯНСКАС.